

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне

К дате 60-летия Победы СССР под руководством И.В.Сталина в Великой Отечественной войне мы публикуем статью «Вернуть Сталина Победе» с сайта «Агентства политических новостей».

В этой статье хорошо показана роль И.В.Сталина в руководстве страной в годы Великой Отечественной войны. В то время на Сталина, как руководителя государства и Верховного Главнокомандующего были замкнуты все управленческие цепи в армии, промышленности и политике. Поэтому не должно забываться о том, под чьим руководством СССР достиг Победы в войне.

Редакция сайта vodaspb.ru

21 марта 2005 г.

АПН — Агентство политических новостей (проект Института Национальной Стратегии)

16.02.2005, Егор Холмогоров

http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=371&do=view_single

Вернуть Сталина Победе

Поставленный некоторое время назад Алексеем Чадаевым в «Русском Журнале»¹ вопрос о сущностной, политической и политологической реабилитации Сталина давно назрел. И, можно сказать, перезрел. Мало того, на уровне массового сознания это, фактически, произошло. Что окончательно зафиксировало тот ажиотаж, который вызвало 50-летие со дня смерти Генералиссимуса в 2003 году. Сегодня даже ругать Сталина, не делая определенных оговорок, позволяют себе лишь политические маргиналы. Однако ресталинизация является, пока что, стихийной. Это популистское движение, реакция на атмосферу политического, военного и социального унижения, в которой находится Россия при «антисталинистах». После того, как стали очевидны масштабы человеческих потерь нации всего за полтора десятилетия, случившихся без всяких войн, революций и расстрелов, то отпал даже аргумент от «ГУЛАГ»-а, поскольку число **«жертв демократии»** давно превзошло все сколько-нибудь реалистичные оценки числа жертв репрессий.

«Перестроечная» версия истории попросту рассыпалась под ударами фактов. Не осталось, кажется, **ни одного классического антисталинского мифа, который не был бы развенчан историками, кинодокументалистами, на худой конец — журналистами.** Делается это с тем большим рвением, что ресталинизация истории становится ходовым товаром, на ней можно сделать имя и даже деньги, что не может не направлять молодых амбиций в соответствующую сторону. Последней линией обороны «антисталинизма» остаются художественные придумки, исправно переносимые на экран в виде всевозможных «Московских саг» и «Детей Арбата». Однако, несмотря на высокий зрительский рейтинг, цели подобные сериалы не достигают, — зрители не столько следят за сюжетом, сколько любят на попавшие в кадр артефакты прошлого, и на красивых актрис, если таковые в кадре имеются. На вызывающие содрогание фразы типа «Нэт чэловэка, — нэт проблэмы», — зритель обычно сердито соглашается: «Вот уж точно. Не будь Чубайса...».

Тыловая линия «антисталинизма» — это истерика, визг, в который срываются некоторые «порядочные люди», стоит только подчеркнуть необходимость восстановить справедливость к Сталину, хотя бы как к Верховному Главнокомандующему. Недавний скандал² в «высшем обществе» Рунета (сиречь в ЖЖ), где прошла акция³ с призывом

¹ http://www.russ.ru/culture/20050207_chad.html

² <http://www.livejournal.com/users/vedeney/1692739.html>

³ <http://www.livejournal.com/users/bukarskii/188194.html>

восстановить такую справедливость к Главковерху, очень хорошо показала нервический характер реакции большинства антисталинистов. Никто так и не мог объяснить, какие у нас есть основания отказывать Главнокомандующему в триумфе Победителя, если находившаяся под его командой армия безоговорочно выиграла величайшую в мировой истории войну. Либо начинались отговорки, что «а в 1941 всё было плохо», и ещё смешнее, — «если бы не пакт Сталина с Гитлером, войны бы вовсе не было», либо вовсе дело ограничивается заявлениями типа: «Не смей. В войне победил Народ, а не Сталин». Чадаев очень верно указал на то, что, именно позволив Хрущёву с присными насадить в СССР подобные настроения, мы, в итоге, создали нынешнюю ситуацию, когда в канун 60-летия Победы **по Европе прокатывается волна реваншизма**, оголтелым авангардом которой выступает бывшая наша, а ныне НАТО-вская Прибалтика.

Сперва мы согласились на то, что «Сталин не лучше Гитлера», потом, в перестройку, что он «такой же, как Гитлер», сегодня выясняется, что на взгляд наших западных соседей «Сталин хуже Гитлера». Что вполне логично, — обслуживание немецких офицеров латышской девушке Вайре не было бы зазорно, а вот в ужасе перед русскими она бежала аж на край света. Вместо того, чтобы тихо есть отруби в еврохлеву у немцев, восточноевропейские славяне, а заодно и румыны вынуждены были под гнетом русских целых 40 лет заниматься строительством собственной государственности, развивать какую-то экономику, создавать армию, участвовать в каких-то учениях какого-то Варшавского договора... В общем, — предаваться занятиям, к коим они, согласно немецкой расовой теории, были не приспособлены.

Но какое нам, в сущности, дело до этих «волнений Литвы». Сталин — это часть нашей, русской истории. Нам надо понять, что он дал и чего лишил нашу нацию, в чём он перед ней виноват, а в чём его великая заслуга. Не будем уходить далеко и пересматривать историю нэпа, индустриализации, коллективизации, культурной революции, национальной политики и репрессий. Остановимся на главном дискуссионном эпизоде — **войне**. Если в Великой Отечественной победил не Сталин, то тогда придётся предположить, что никакой Победы вовсе не было.

Обратные утверждения основываются на невежественном обывательском представлении о Сталине, как о политическом лидере, осуществляющем лишь «общее стратегическое руководство» войной и опирающемся в конкретных вопросах на мнение неплохо подобранных помощников. В этом случае к Сталину может быть счёт за общестратегические ошибки, в то время как его причастность к конкретным достижениям и победам остаётся под вопросом. Несмотря на огромную мемуарную литературу, интеллигентный обыватель обычно придерживается представления, почерпнутого из плохих фильмов, в которых Сталин обычно задаёт идиотские вопросы типа: «А сумеим ли мы разбить нэпцев?» и с трудом соглашается на дельные рекомендации военачальников.

На самом деле, на Сталина как руководителя государства, а затем как Верховного Главнокомандующего были замкнуты **все управленческие цепи в армии, промышленности, и политике**. Он нёс непосредственную ответственность за каждую мелочь. Эта вовлечённость Сталина была тем большей, что уникальной особенностью его личности была исключительная память на детали, позволявшая ему свободно ориентироваться в вопросах, которые большинству руководителей государств и вооружённых сил попросту не известны в силу ограниченности интеллектуального ресурса. Поэтому на Сталине лежит персональная ответственность как **за все сделанные ошибки**, так и, коль скоро война была сведена с безоговорочной победой над противником, **за эту Победу**.

1. Сам себе Генеральный Штаб. Почему Сталин не ездил на фронт?

В интересах «борьбы с культом личности» и «десталинизации» в официальных историях и мемуарной литературе о войне руководство ею упорно деперсонифицировалось. Вместо реального главнокомандующего везде фигурирует безликая «Ставка», которая «учит», «советует», «рекомендует», «решает». По счастью, дело не дошло до маразма, и тогда, когда рассказывается о разговорах лично со Сталиным, не утверждается, что «со-

стоялась встреча со Ставкой». Но везде, где мы читаем «Ставка», мы должны читать «Сталин». Достаточно произвести эту замену, и сразу станет понятен объём работы, совершавшейся Сталиным изо дня в день.

За время войны Сталин создал очень своеобразную структуру руководства вооружённой борьбой Советского Союза. Структуру сверх-централизованную, но и наиболее прочную и работоспособную. В одних руках и одной голове было сосредоточено политическое, хозяйственное и чисто военное руководство. Будучи, фактически, учеником маршала Шапошникова, автора знаменитой работы о Генеральном Штабе «Мозг армии», Сталин ценил генеральное штабное командование очень высоко. **В этом отличие от Германии**, где Генштаб по сути прекратил своё существование и был раздроблен на несколько параллельных и жёстко конкурирующих структур, каждая из которых самостоятельно выходила на Гитлера (главнокомандование вермахта — ОКВ, главнокомандование сухопутными войсками — ОКХ, единственное при генерале Гальдере всерьёз исполнявшее штабные функции, и командования авиации и флота), **и западных демократий**, где штабное планирование и руководство были отделены от политического. В СССР «Ставка», то есть Сталин, объединяла все функции. Генштаб был оперативным рабочим органом Ставки, причём после отхода от дел больного Шапошникова его, фактически, возглавил сам Сталин. Номинальный начгенштаба А.М.Василевский реально, вместе с Жуковым, работал приводным ремнём сталинских решений, разъезжая по фронтам. Оба маршала, которых Сталин не раз в шутку предлагал объединить в одного, были ценными помощниками и советниками Сталина. Василевский достойно представлял «интеллектуальное» начало блестящего военного планирования, Жуков представлял начало яростно-волевого, умение любой ценой добиться того, что Сталин называл «большевистскими темпами». Но поручить кому-либо из них координацию всех военных усилий в положенном настоящему Генштабу объёме Сталин не решался. Роль «мозга армии» он взял на себя сам.

За годы войны Сталину удалось создать настоящий «большой Генеральный Штаб» воплощавший идеи Мольтке, Конрада фон Хетцендорфа и Шапошникова, добиться постоянного точного информирования Ставки о происходящем на фронте и беспрекословного исполнения её директив и конкретных приказов. Сталину было в подробностях известно положение на всех фронтах, в армиях и корпусах, и, при этом, он имел целостную картину происходящего, позволявшую ему принимать верные решения. (См. Примечание 1).

Большинство «ошибок Сталина» приходится на тот период войны, когда не существовало **отлаженной системы информирования Генштаба фронтами**, когда ответственность была разделена между большим числом лиц, каждое из которых стремилось этой ответственности избежать. Классическим примером такой несогласованности была летняя кампания 1942 года, когда принятое решение о стратегической обороне было не выполнено в результате авантюризма руководителей направлений, до последнего обещавших Ставке успех. Генштаб при этом представлял собой лишь одну из сторон в системе согласований. У Сталина не было того инструмента, на котором он мог «играть». До войны у Сталина, очевидно, была иллюзия, что инструмент уже существует, поэтому он был так потрясён (о его искреннем потрясении, а не о мифической «растерянности», говорят все добросовестные участники событий) дезорганизацией советских войск в первые дни войны. За два с половиной года, «большевистскими темпами», Сталин создал надёжный инструмент военного управления, как создал перед этим инструмент управления политического. Уже в 1943 игра была практически безупречной. **История германского руководства войной была историей расстройтва «инструмента» в результате неумелой игры на нём, история советского руководства войной была, напротив, историей «настройки».**

С этой работой Сталина как Главкома связан один очень важный антисталинский миф, имеющий широкое хождение. О том, что Верховный **якобы боялся ездить на фронт** по причине трусости. Обвинение абсурднейшее. Все знавшие Сталина в период

революционного подполья, печально знаменитых «экспроприаций» и Гражданской войны отмечали его исключительную личную храбрость, кое-кому казавшуюся безумной. Даже Троцкий обвиняет Сталина в самоуправстве, упрямстве, жестокости, но только не трусости. К тяжелейшим дням Битвы за Москву относятся слова Сталина, передаваемые его охранником Рыбиным. В ответ на вопрос, когда отправлять в эвакуацию полк Кремлёвской охраны Верховный ответил: **«Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку»**. Нежелание Сталина выезжать на фронт, и, тем более колесить по свету, как это делал, допустим, Черчилль (и в самом деле не раз ставивший свою жизнь под серьёзную угрозу) объяснялось его положением в системе военного командования. Черчилль был политическим руководителем, легко сменяемым премьером, Рузвельт и вовсе без всякого ущерба для Америки был заменён после своей смерти Трумэн. Сталин же не только был практически незаменим, но и постоянно находился на своём посту реального главнокомандующего, непрерывно отслеживающего военную обстановку. В этих условиях «знакомство с передовой» не давало ему новой информации, отрывало его от реального управления войсками, и подвергало его жизнь действительно ненужной опасности. В мемуарах практически любого крупного советского военачальника мы найдём истории о том, как удалось чудом избежать гибели при бомбёжке. Заменить удалось Ватутину и Черняховского, с трудом бы нашлась замена и Жукову с Василевским, Сталину замены не было, и это понимали все. При этом достаточно набегавшийся под пулями Сталин, совершенно не нуждался в подтверждении личной храбрости. И то, что в ней сегодня кто-то сомневается, объясняется либо невежеством, либо зложелательством.

2. Верховный конструктор вооружений

Сталин принимал самое непосредственное участие в разработке всех видов вооружений, применявшихся Красной (а затем — Советской) армией в период войны. Он давал принципиальные задания, следил за их выполнением, давал рекомендации конструкторам, принимал решения по мельчайшим деталям оружия. Несомненно, Сталин обладал выдающимися политехническими знаниями, приобретёнными им самостоятельно. Настоящая революция в вооружениях Красной Армии начинается в предвоенные годы, когда Сталин взял разработку вооружений под свой постоянный контроль, отодвинув на второй план промежуточные инстанции. Практически каждый вид советского вооружения, от лёгкого стрелкового до танков и самолётов, был создан конструкторами в координации с руководителем страны. (См. Примечание 2).

Всю войну советские солдаты воевали «сталинским» оружием, и чем более плотной и творческой была работа Сталина с конструкторами, тем лучше было качество вооружений.

3. Организатор и вдохновитель. Тайна приказа № 227.

Роль Сталина как «организатора и вдохновителя» Победы оспаривается значительно реже. Если можно пытаться кое-как сделать вид, что Сталин будто бы не был военным специалистом, и не занимался конкретно военными вопросами, то оспаривать политическое руководство страной совсем уж анекдотично. Директивы и приказы Верховного главнокомандующего, писавшиеся Сталиным лично, постоянно разъясняли политический смысл и характер ведущейся Советским Союзом войны. Каждый из них представлял собой сплав политинформации, агитационного призыва и конкретных жёстких распоряжений. Стиль Сталина уже заслужил должную оценку даже у далёких от политики исследователей. **Приказы и речи военного времени представляют собой один из лучших образцов публицистического искусства на русском языке.** Ближайшие аналогии можно найти в посланиях Ивана Грозного и регламентах Петра I, также раскрывавших идеи и принципы русских властителей, однако как от одного, так и от другого, Сталин отличается чёткостью мышления, конкретностью вопросов и ясностью образов. Все помнят про «братьев и сестер» и «ни шагу назад». Не исключено, что и формула «наше дело

правое», озвученная Молотовым, также принадлежит Сталину, принимавшему активное участие в составлении речи.

Поэтому «антисталинистами» оспаривается не сам факт такого руководства, а его благотворное влияние. Особенно досталось, например, приказу № 227: «Ни шагу назад!»¹, который только ленивый не называет «жестоким» и «варварским». Между тем, этот приказ включает в себе абсолютно железную, можно сказать — математическую логику, сконцентрированную в одном абзаце: *«Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограниченны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».*

Сталин вступил, по сути, в **противостояние с идеологией «скифской войны»**, накрепко въевшейся в русское военное сознание, подсознательно проникавшее в представления командиров и комиссаров. Мало кто заметил, что в приказе нет выпадов или упрёков в адрес красноармейцев, то есть рядовых солдат. Сталин обращался не к армии которая, по утверждениям некоторых, «не хотела сражаться». Главный удар нанесён по паникующим или самовольничающим командирам — от командармов до комроты. И увещевания, и угрозы, и репрессии адресованы именно им. **«Ни шагу назад» — это призыв к командирам Красной Армии не «мнить себя стратегами»**, решающими можно отступать, или нельзя, есть место для манёвра, или нет. Развитие «стратегического мышления» у солдат и офицеров, пытающихся соотносить свою боевую задачу чуть ли не с «общим положением на всех фронтах» и решать, бессмысленна или нет защита того или иного рубежа в свете общей стратегической обстановки, — это главная опасность для любой армии. И солдат, и офицер, наряду с инициативой должен иметь и известную «узость» мышления, позволяющую ему выполнять поставленную задачу, несмотря ни на что. Именно эта мнимая «узость» породила то упорное сопротивление, которое в самом безнадёжном положении оказывали окружённые советские части в 1941. В 1942 именно из-за того, что об окружении речи не было, шло отступление и осыпание фронта, такого упорства командиры не проявляли, и потребовался абсолютно конкретный и на пальцах разъясняющий пагубность «скифской войны» приказ №227, чтобы обвал был остановлен², превратившись в упорную оборону Сталинграда.

4. Стратегия людских ресурсов. Почему Сталин потерял меньше солдат, чем Гитлер?

Мы уже говорили о выдающейся конкретности и математичности сталинского военного мышления. Вновь обратимся к мемуарам генерала Штеменко, проливающим свет на то, как Сталин себе представлял стратегический ход войны.

И.В. Сталин вдруг спросил:

«— А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили её капитулировать?»

...Оправившись от неожиданности, я подумал, что лучше всего изложить Сталину его собственную речь перед избирателями, произнесённую накануне выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. Я сформулировал положение о том, что война по-

¹ http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/pr_227.htm

² http://www.proriv.ru/articles.shtml/documents?docs_nkvd2

казала жизнеспособность общественного и государственного строя СССР и его большую устойчивость. Наш общественный строй был прочен потому именно, что являлся подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой... Говорил о промышленной базе, созданной за годы пятилеток, о колхозном хозяйстве, о том, что социализм создал необходимые материальные возможности для отпора сильному врагу. В заключение сказал о высоких боевых качествах нашей армии, о выдающемся искусстве советских военачальников и полководцев.

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

— Всё, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объёма вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

— Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

— А какой это будет процент к численности населения?

— Быстро прикинув в уме численность перед войной населения — 194 млн., я ответил: около 6 процентов.

— Правильно. Но это опять-таки не всё. Нужно учесть и наши потери в вооружённых силах, потому что убитые и погибшие от ран бойцы и командиры тоже входили в численность армии...

Учили и это.

— А теперь,— продолжал Сталин,— давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали. Оказалось — больше 16 процентов.

— **Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм.** Скорее, последнее,— заключил Сталин.— **Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения:** некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате **гитлеровцы надорвали свою страну.** И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение,— продолжал Сталин, шагая по балкону.— **Подрыв жизнеспособности страны в первой и второй мировых войнах был одной из причин их краха...** А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал её, нашел нужное место и сказал:

— Вот, девятнадцать с половиной процентов населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу и, снова обратившись ко мне, сказал:

— На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращённых, по существу, в рабов. И всё-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг».

(Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны¹. — М., 1989. сс. 557-559).

Этот замечательный диалог, наверное, лучший ответ тем, кто заявляет, что СССР понёс в войне с Германией неоправданно большие потери, что Германия, проиграв, сохранила свой человеческий потенциал, что «побеждённые живут лучше победителей». В СССР перед войной жило 196 миллионов человек, а к моменту распада СССР — 270 млн. Совокупное население современных ФРГ и Австрии — 90 миллионов человек. То есть после войны «побеждённые победители» увеличили своё население лишь на 1/8 от предвоенной численности, в то время как СССР увеличил численность своего насе-

¹ <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/index.html>

ления на треть, русское население за тот же период увеличилось почти на половину, со 100 до 145 миллионов.

Длительные дискуссии вокруг расчёта безвозвратных потерь Советской армии и вермахта привели к выводу, что эти потери были практически равны, составляя около 8 миллионов человек, хотя немало находится и тех, кто значительно повышает цифру потерь вермахта, — до 11 и даже 13 миллионов. Но даже если взять нижнюю цифру потерь вермахта, то окажется, что **Германия потеряла в боях только на Восточном фронте 10% своего населения, в то время как аналогичные потери СССР составили лишь 5% населения.** Другое дело, что конечный демографический счёт был не в пользу Советского Союза по абсолютным цифрам — 26 миллионов против 11 миллионов, и равным по проценту населения — 13%. При этом: на территории Германии война длилась 5 месяцев, а на территории СССР 4 года; СССР не проводил политику систематического геноцида населения Германии, а Германия его проводила; СССР не занимался систематическим уничтожением германских военнопленных, а Германия занималась, в результате из советского плена в Германию вернулись 3,5 млн. человек, а из немецкого в СССР 1,8 млн.

Учтя всё это, мы должны будем признать, что война велась Советским Союзом так, чтобы **не привести к катастрофическому перенапряжению сил народа**, и это Сталину удалось. Даже несмотря на чудовищный террор гитлеровцев и забвение ими по отношению к «славянам» любых воинских кодексов чести, СССР не испытал демографической катастрофы. Довоенный уровень населения был восстановлен к 1954 году, то есть за время послевоенного правления Сталина. **Людской «долг» Генералиссимус стране вернул.** Хотя это демографическое восстановление негативно сказалось на уровне жизни советских людей. Все необходимые ресурсы приходилось делить на большее число ртов, чем с трудом восстановившим свою исходную численность немцам, а потому, разумеется, каждому немцу доставалось намного больше, и антисоветская пропаганда получила ещё один прекрасный повод поизмываться над тем, что «мы живем хуже». Если предположить, что послевоенный СССР зафиксировал бы население на уровне 200 миллионов, но при этом продолжал бы развивать производство, да ещё и пользовался бы кредитами США, то скорее всего, его уровень жизни был бы значительно выше, чем в ФРГ. Но на прирост как-то никто не жаловался. И понадобились «рыночные реформы», чтобы Россия зажила так же, как «побеждённые победители» в Германии, то есть распалась на части, вступила в полосу пресловутого «второго демографического перехода», и эпоху сокращения населения, замещаемого агрессивной миграцией. Но Сталин как Главнокомандующий и даже как политический руководитель, ответственности за Гайдара, Чубайса, Грефа и Зурбова не несёт.

5. Трофейная Германия. Почему Сталин первым из русских правителей после Николая I по-настоящему выиграл войну?

Русские государственные деятели XIX века на удивление не любили выигрывать войны. Или не умели этого делать. В награду за войну 1812 года Россия получила... Царство Польское, ставшее «Чечнёй» XIX века. И это вместо, хотя бы, Ионических островов, бывших десятилетие под властью России, имевших единое население, и исключительно необходимых для утверждения России в Средиземном море. Ещё более выразительной была «награда» за кровь, пролитую русской армией в войне с Турцией 1877-78 годов. После безусловной победы, по условиям Берлинского трактата, заключённого на Берлинском конгрессе, где «честным маклером» работал Бисмарк, Россия возвратила себе устье Дуная отданное после Крымской войны и приобрела Карс и Батум, впервые завоёванные ещё в ту же Крымскую войну. Зато не участвовавшая в войне и ненавидевшая Россию Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а на престол Болгарии (за независимость которой вроде как и велась вся война) был посажен немецкий король из династии Баттенбергов (семейства совершенно скандального по происхождению, — оно возникло в результате *морганатического брака принца Александра Гессенского, брата жены Александра II Марии Александровны, с дочерью польского сановника, Юлией Гауке*).

После такого итога войны Бисмарк вполне логично заметил, что «все Балканы не стоят костей одного померанского гренадера». Померанские гренадеры действительно не были нужны, поскольку по интересовавшим Германию счетам исправно платили гренадеры русские.

Последней войной России, не колониального характера, принёсшей серьезные трофеи, была русско-персидская война, после которой, согласно Туркманчайскому миру **1828 года**, были присоединены Ереван и Нахичевань. Следующей должна была стать война Крымская, и трофеи она сулила колоссальные, но и обернулась после смерти Николая I колоссальным поражением.

Теперь сравним это плачевное положение с результатами Второй Мировой, обеспеченными СССР именно сталинской дипломатией (факт, что именно Сталин несёт ответственность за Тегеранский, Ялтинский и Потсдамский сговоры, а тем более за «Пакт Молотова-Риббентропа» не оспаривает, кажется, ни один даже самый яростный антисталинист). К 1941 году, проведя лишь одну локальную операцию против Польши, и одну кровопролитную, но локальную, войну против Финляндии, не вступая в Мировую войну, СССР возвратил в состав государственной территории России Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Северную Буковину, создал военную базу на полуострове Ханко, впервые с XIII века прочно включил в состав России Галицию и Волынь (о возвращении Галиции Сталин мечтал ещё с Советско-польской войны, и тот факт, что его план удара на Львов вместо бессмысленного похода на Варшаву, был отвергнут, стоил Советской России потери огромных территорий). Сталин прекрасно понимал, что, каков бы ни был исход Мировой войны (кроме тотального разгрома Германией СССР), на эти приобретённые им территории уже никто не покусится. Одним дипломатическим манёвром Сталин свёл ещё не начавшуюся войну в пользу СССР.

После окончания войны Сталин добился передачи СССР округа Петсамо, разделил с Польшей Восточную Пруссию с Кенигсбергом, ставшим Калининградом (Сталин стремился создать сильную, независимую Польшу, «откормленную» за счёт Германии и развёрнутую против Запада, и вряд ли мог представить, что его преемники допустят новое превращение Польши в антироссийский форпост), изъял у Чехословакии населённое русинами Закарпатье, вернул России Курильские острова, половину Сахалина, а также контроль над КВЖД и Порт-Артуром. Вокруг западных границ СССР был создан кордон из сателлитов, куда вошёл и находившийся под советской оккупацией обломок Германии, ставший ГДР, хотя Сталин продолжал надеяться на то, что в центре Европы появится сильная нейтральная Германия. Не вполне удачным считал Сталин развитие событий лишь на южном направлении, где СССР не удалось получить опеку над Ливией, отнять у Турции Проливы, Западную Армению, а у Ирана — Иранский Азербайджан. Но, в целом полученные всего за 6 лет территориальные приращения СССР были впечатляющими. Почти всюду, где это имело смысл, СССР вернулся к границам Российской Империи 1904 года, а кое-где и перешагнул эти границы, реализовав старинные национально-имперские цели.

Короче говоря, полководец Сталин вернулся домой *с трофеями*. И народ, прежде всего — русский народ, не мог этого не оценить. С трофеями, как я уже сказал, русские солдаты не возвращались домой очень давно. С **такими трофеями** — никогда. Вообще, решение Сталина не препятствовать тому, чтобы «пошла страна лимония — сплошная чемодания» было одним из самых мудрых его стратегических решений. Чемодан был наглядным свидетельством ненапрасности, небессмысленности войны для простого солдата, психологической компенсацией за то, что **Советская Армия не могла «посчитаться» с немцами по правилам кровной мести и вообще СССР не проводил по отношению к Германии террористической политики** (хотя, с точки зрения «византийской» логики такой террор мог бы найти оправдание хотя бы в ослаблении будущего врага). Более того, в расположении советских войск были бы немыслимы надписи, подобные висевшим на оккупированной территории СССР: «Вода в колодце только для немецких солдат. За приближение — расстрел».

Вопреки распространяемым сплетням о стихийном грабеже и мародёрстве русских солдат, распределение трофеев было поставлено на организованные и вполне социалистические рельсы¹: *«Как и многие офицеры, возвращавшиеся с войны, отец привёз трофеи — мотоцикл Цундап (Zundapp-K350), два велосипеда и ещё какую-то мелочь. В перестроечной печати иногда советских солдат пытались представить не освободителями, а грабителями, дерущимися из-за добычи, волокущими за собой домой полные машины отобранного имущества немецких граждан. Вполне допустимо, что отдельные случаи мародёрства были, но отец рассказывал, что для того, чтобы привезти что-то с собой в Союз, необходим был достаточно безупречный послужной список. Трофейная техника выдавалась со специальных баз в строгом соответствии с имеющимися предписаниями»*. В такой форме распределение трофеев напоминало, скорее, выдачу наград за службу. И вряд ли кто из потомков ветеранов Войны усомнится в том, что награды были вполне заслужены.

Благодаря трофеям Победа приобрела материальное, вполне осязаемое измерение. Не только личное, в виде «чемодана», но и общесоюзное — в виде новоприсоединённых земель, а также немецких репараций. Вывезенное в счёт репараций промышленное оборудование сыграло в истории СССР двойственную роль. С одной стороны, «репарации» стали, по сути, второй индустриализацией, позволив советской промышленности наладить выпуск товаров народного потребления, многих из которых у нас раньше просто не было. Послевоенный «Москвич 401», ставший первым «народным автомобилем», впервые приобщившим простых граждан к радостям автовождения, производился на оборудовании «Опеля» и представлял собой копию немецкой модели «Опель-Кадет». СССР понадобилось бы не одно десятилетие для того, чтобы дойти в промышленном развитии до производства подобных товаров. История благосостояния всех развитых западных стран начиналась с масштабного ограбления колоний и соседей, а то и вообще собственного Юга, как США. Сталин предоставил СССР возможность совершить подобное «ограбление» на вполне законных основаниях, — в компенсацию за то, что было отнято и разрушено у нас. Другое дело, что, полагаясь на завезённое оборудование, СССР запустил многие необходимые отрасли и в чём-то подотстал, но это, опять же, вряд ли можно поставить в вину самому Сталину, а не его недостойным преемникам.

Русские воевали из века в век, если не из десятилетия в десятилетие. Однако крайне редко получали что-то существенное в обмен за понесённые потери. Чаще всего это были войны либо за выживание, либо за неверно просчитанные имперские интересы. Последние по настоящему крупные и исторически значимые территориальные приобретения война приносилась вообще при Екатерине II. Со «времен Очаковских и покоренья Крыма» русские вообще не могли сказать, что получили хоть что-либо, хотя бы клочок земли от ведшихся ими больших войн (ну, если не считать таковыми завоевание Средней Азии или Кавказа). И способность Сталина **обеспечить стране не просто «геополитические приобретения», но именно конкретные, осязаемые, трофеи**, стала ещё одним обстоятельством, резко выделяющим Вторую Мировую из чреды русских войн XIX-XX веков.

6. Царь количества и знамения времени. Почему Сталин победил Гитлера?

У французского философа-традиционалиста Рене Генона² есть очень красивая мысль о *царстве количества*, о новой мировой эпохе, на протяжении которой мир постепенно овеществляется, материальные законы начинают превалировать над духовными, материальные, «физические» энергии, над духовными энергиями. Мир тяжелеет и уплотняется, становясь непроницаем для священного. Не совсем конечно, полная непроницаемость была бы гибелью мира, но возможность духовного воздействия на мир стано-

¹ <http://www.autobuy.ru/nite.php?aid=164&aform=3>

² <http://traditionalib.narod.ru/slovo/traditio/genon/genon02-0.htm>

вится ограниченной. Материализация мира идёт параллельно с вытеснением из него истинной духовной Традиции, с приближением конца времён, с усилением действия того, что апостол Павел называл «тайной беззакония», «мистерией аномии».

Однако ошибочно видеть в материализации причину, или, напротив, следствие духовной деградации. Логичней видеть в материализации **защитную реакцию мира на возрастание «беззакония», осуществляемое некими таинственными путями**. Мир тяжелеет, становясь неподъёмным для сатанократической революции, слишком неповоротливым, чтобы перемещать его с помощью левитации, слишком «одномерным», чтобы подчиняться законам магии. Другими словами, не только сопротивление отступающей «Армии Апокалипсиса» сдерживает наступление антихриста. Ему сопротивляется и сама материализующаяся, утяжеляющаяся структура мира, становящегося менее проницаемым для подлинного антихристового духа, далёкого, на самом деле, и от материализма, и от атеизма, замешанного скорее на отравленной мистике и извращении религиозного духа. Мир становится слишком *«труден»* для антихриста.

Русская Революция сокрушила тот мировой порядок, в котором Россия мыслила себя как Катехон, как вооружённая сила, удерживающая наступление «тайны беззакония». Дальнейшее развитие могло пойти по двум путям. Либо Россия станет на путь духовного революционаризма, станет подлинным «царством антихриста», каковым его считали многие в эмигрантском и катакомбном духовенстве, или, напротив, **Россия «отвердеет», закапсулируется, «подморозится», не пропустив «дух тления» внутрь себя**. Бывший семинарист Сталин сделал очень много для того, чтобы подлинное «беззаконие» в послереволюционной России не умножилось, а напротив — серьёзно уменьшилось. Страна надолго ушла с дорог капитализма, либерализма, левацкого революционаризма, упадочной теософии и оккультизма, на которых её одинаково ждала гибель. Отвердевшая Россия, освобождённая на какой-то период от разъедавшей её духовной двойственности, приобрела необычайную экономическую, военно-политическую и культурную (если иметь в виду светский аспект культуры) мощь. Мощь, которой мы имеем полное право гордиться.

Бессмысленно, конечно, рядить сталинскую империю в византийскую тогу, а самого марксиста, в чём-то все-таки интернационалиста (несмотря на нескрываемый русский национализм и даже немного шовинизм) Сталина в одежды русских православных царей. Советская цивилизация не была, конечно, простым продолжением на новом витке православной русской цивилизации. Она была её «материализацией», «овеществлением», но овеществлением талантливым и полным. Сталин был **Царём Количества**, его гениальный во многих отношениях ум был заточен под учёт мельчайших материальных факторов и под оценку **материальной действительности духовного**. Именно эта способность правильно оценить духовное в его действительности привела его и к необычайно прочной фиксации положения РПЦ в послевоенные годы. На смену внутреннему и внешнему распаду и гонениям, пришли воссоединение униатов, восстановление целостности канонической территории СССР и забота Сталина о догматической чистоте в противовес новомодным модернизму и экуменизму. Сталинизм был, возможно, идеальной формой организации русского бытия в период «овеществления».

Эта **вещественность, добротная плотность духовно обедненной, но богосотворенной материи, и помогла Сталину одержать победу на Гитлером, всецело погружённым в оккультный мир призраков, падших духов, магических сил и иррациональных действий**. Иррациональность и тёмная мистика давали Гитлеру преимущество, пока он действовал против духовно разжиженных стран Европы. Столкнувшись с союзом **двух очень разных «материальных» цивилизаций — Советской и Американской**, призрачный характер гитлеризма должен был обнажиться и разрушиться. В мире, где не осталось места политической силе, руководимой высшим духом, Сталин стал полюсом сопротивления материи, количества, против падшего духа и дурного, выморочного, «качества».

* * *

Итак, **Сталин стал гением количества**. Он концентрировал в себе бездну информации, единолично руководя не только фронтами, но и армиями, корпусами, дивизиями, даже полками. Он планировал талантливые военные операции, вроде знаменитых «Десяти сталинских ударов». Он разрабатывал вместе (а иногда и вместо) конструкторов лучшие образцы вооружений, из которых мощный тяжёлый танк был, в итоге, назван его именем. Он произносил речи, доклады, отдавал директивы и приказы, разъяснявшие на уровне глубочайшего политического и даже нравственного анализа события войны. Он стремился сохранить Советский Союз от перенапряжения, чреватого экономической и социальной катастрофой, и смог этого добиться, в то время как Германия довела себя до экономического краха. Он обеспечил максимально выгодные для Советского Союза результаты войны, причём часть из них — ещё до её начала. Выгода была получена не только страной в целом, страной как Державой, но и её гражданами. Всё это стоило нервов, боли и труда, и унесло в могилу отнюдь ещё не старого, особенно по кавказским меркам, человека. Если сделанное Сталиным не заслуживает хотя бы теперь, спустя шесть десятилетий после падения Берлина, благодарной памяти потомства — памяти, выраженной не только в кухонных разговорах, но **в монументах, официальных формулах и полноценном историческом признании**, — то ни один победитель не заслуживает такой памяти.

Если Сталин не имеет права на Победу, то, значит, триумфы прочих правителей и полководцев — краденные. Права на славу и почитание не имеют ни Александр Македонский, ни Ганнибал, ни Цезарь, ни Троян, ни Пётр Великий, ни Фридрих Великий, ни Суворов, ни Наполеон, никто из победителей позднейшего времени.

Сегодня **России ещё не поздно что-то исправить**. До торжеств, посвящённых 60-летию Победы остались 2,5 месяца. За это время, проявив любимые Сталиным «большевистские темпы», вполне можно продумать и подготовить достойную программу восстановления доброго имени **Главнокомандующего Победы**. На худой конец — поставить ему в Москве памятник, возратить собственное имя овеванному славой Сталинграду, вернуть портреты Сталина на их законное место хотя бы рядом с другими военачальниками. Это было бы **более полезным приложением сил, чем бесплодная и унижительная «полемика» с марионеточной Латвией** по поводу пенсионеров и воблы. Но если нашему «патриотическому» лишь на словах государству так и не хватит смелости на эту назревшую реабилитацию, то мы можем осуществить эту реабилитацию лично. Придя 9 мая 2005 года к Вечному огню — у Неизвестного солдата в Москве или в других городах, вложить в букет цветов — портрет Главнокомандующего. Того, кто долгие 4 года вёл солдат известных и неизвестных к великой, величайшей в истории нашего народа, Победе.

Примечания:

1. Об уровне информационной чёткости, которой добивался от всех Сталин, свидетельствует следующий эпизод, рассказанный начальником оперативного управления Генштаба генералом Штеменко:

«Как-то в одном из итоговых донесений за день, полученных с Воронежского фронта, было написано, что в результате успешной контратаки наших войск захвачено 100 орудий противника. Это донесение было принято по телеграфу начальником направления, перепечатано на машинке, заверено и, как положено, сразу представлено в Ставку. Утром И.В. Сталин по телефону спросил меня:

— Захвачены ли вместе с орудиями снаряды?

Я не знал. Он сказал:

— Поинтересуйтесь и доложите.

Срочно связался с начальником штаба фронта. Он тоже не знал и обещал немедленно выяснить. Часа через два Верховный Главнокомандующий позвонил и добавил:

— Если есть снаряды, то можно из захваченных фронтом орудий сформировать чуть ли не двадцать батарей. Так или нет?

Подтверждаю, что так. А он спрашивает:

— Не удалось выяснить, сколько снарядов?

— Пока нет,— отвечаю.

Он бросил трубку, явно, чувствую, недовольный.

Опять связался с начальником штаба фронта. На этот раз от него узнаю, что захвачено не 100, а всего 10 орудий, из них 6 разбитых и только 4 исправных; кто донёс и почему так произошло — штаб разбирается.

Скандал был налицо. До вечера звонка не было, а при очередном докладе в Кремле Верховный Главнокомандующий сам напомнил об этих злосчастных орудиях. Как и предполагали, была буря: нам пришлось выслушать в свой адрес и по поводу штабов вообще много разных весьма выразительных слов о безответственности, халатности в работе, ротозействе, головотяпстве, отсутствии контроля... В конце концов А.И.Антонову было приказано лично дело расследовать и о виновных в искажении фактов доложить.

Выяснилось, что в донесении Военного совета фронта было написано 10 орудий, а когда передавали по аппарату Бодо, то телеграфисты цифру исказили и передали 100. Алексей Иннокентьевич доложил об этом и сказал, что приняты строгие меры контроля с целью не допускать впредь таких ошибок. Виновных не назвал.

Сталин посопел трубкой, прошёлся вдоль стола с картами и сказал:

— Девчонок с телеграфа надо, конечно, предупредить, чтобы были внимательней... Но что с них возьмёшь: они в содержании телеграмм не разбираются. А вот оператор, который принимал донесение, обязан был проверить подлинность цифры. Это же не две пушки, и не каждый день мы захватываем сразу такое количество орудий, а, пожалуй, первый раз с начала войны...

Он долго ещё говорил на эту тему, а затем спросил:

— А кто принимал донесение из операторов?

Я ответил, что у аппарата был сам начальник направления.

— Вот его и снять! Назначить на менее ответственную работу, и не в Генштабе...» (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны¹. — М., 1989. сс. 439-440).

2. Не будем приводить хрестоматийных примеров из мемуаров В.Г. Грабина, автора лучшей пушки Второй Мировой — 76-мм ЗИС-3, или авиаконструктора Яковлева. Приведём пример из мемуаров металлурга В.С. Емельянова, главного конструктора танковой брони. Причём по вопросу, с танками не связанному, по сути — об экзотической «мелочи», выявляющей уровень внимания Сталина к вопросам вооружений.

«На заводе создана броневая защита для лыжников. Лёгкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадет в поле обстрела, то он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя закреплённую на лыжах броневую защиту...

Мы робко вошли. Положили лыжи, закрепили щиток и стали ждать... В руках у Ванникова [нарком вооружений] был автомат. Ровно в пять появился Сталин... подошёл к щитку..., опустился на колени и, обращаясь к Ванникову, произнёс:

— Дайте автомат.

Ванников подал автомат... Сталин лёг на пол, просунул ствол автомата через щель броневое щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение передвигая щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его в щель. В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла по металлу. Наконец Сталин поднялся, протянул автомат Ванникову и произнёс:

¹ <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/index.html>

— Цель для стрельбы лучше сместить на двадцать миллиметров вправо. Вот здесь, — он указал на место на щитке, — следует укрепить полочку, чтобы обоймы с патронами можно было класть. А то стрелок протянет руку к патронташу за обоймой, плечо у него приподнимется, выйдет из броневой защиты и снайпер может пристрелить его.

Конструктор держал блокнот и тщательно всё записывал. А Сталин продолжал делать замечания:

— В последнее время много ранений в пах. При таких ранениях часто атрофируются нижние конечности. Для того, чтобы избежать таких поражений, необходимо удлинить открылки у щитка так, чтобы защитить и эту часть тела.

К Сталину подошёл [маршал] Кулик и произнес:

— Надо обязать промышленность поставить армии... — и он назвал несуразное количество щитков.

Сталин взглянул на Кулика с каким-то пренебрежением и сказал:

— На заводах тоже большевики есть, они сделают столько, сколько сделать можно. Не думайте, что вы один беспокоитесь о вооружении нашей армии» [В.С.Емельянов На пороге войны. М., 1971. с. 154-158].